

Коллаж: ОВД-Инфо, фото: личный архив Марии Малышевой

11.01.2024, 17:31 Санкт-Петербург

свой опыт

«Не плакать же!» Как петербургская правозащитница отсудила у МВД и Минфина 100 тысяч рублей за «телефонное» дело

Сразу после начала войны петербургская правозащитница Мария Малышева стала одной из фигуранток сфабрикованного дела о телефонном терроризме. В качестве вещдока у нее изъяли сборник советских анекдотов. А потом дело прекратили и Марии присудили 100 тысяч рублей моральной компенсации. Она рассказала ОВД-Инфо, как ей это удалось, и передала привет задержавшим ее оперативникам: «Дима и Артем, вы нормальные мужчины».

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

English version

До отъезда из России я работала юристом в разных частных компаниях. С 2011 года стала выходить на массовые акции протеста; с 2015-го — в одиночные пикеты; с 2017-го занималась правозащитной деятельностью. Я защищала задержанных на массовых акциях протеста в Петербурге, волонтеров штабов Навального (на тот момент еще не ликвидированных), активистов так называемого «Бессрочного протеста».

Правозащитой я занималась в свободное от работы время, всегда принципиально pro bono. Это, конечно, не спасло меня от обвинений про «печеньки Госдепа» со стороны некоторых правоохранителей и даже судей. Так как много политических заседаний проходило по выходным и поздними вечерами или даже ночами, совмещать правозащиту с работой было вполне возможно, хоть и не всегда легко.

Помню, после акции 5 мая 2018-го «Он нам не царь» я вышла из Октябрьского районного суда в пять утра, поспала пару часов и пошла на работу. Иногда я в свободное время писала письменные позиции, жалобы, документы, а в суды ходили коллеги по правозащитной работе.

Еще я была ЧПРГ (членом участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса — *ОВД-Инфо*) и в этом качестве выявляла нарушения на выборах.

На одиночных пикетах меня задерживали девять раз, но это никогда ничем не заканчивалось. Меня ни разу не привлекли к административной ответственности по политической статье. Более того, три моих задержания суды признали незаконными, и от полиции трижды приходили извинения.

«ЭТО АНЕКДОТЫ ПРО БРЕЖНЕВА, НАС В ИНТЕРНЕТЕ ЗАСМЕЮТ»

26 февраля 2022 года я случайно оказалась на Гостином дворе и встретила там знакомого сотрудника полиции. Он фактически прямым текстом сказал, что против меня готовится что-то нехорошее. Ранее этот же человек намеком предупреждал меня о планируемом задержании перед акцией [в поддержку Алексея Навального] в январе 2021 года. Его мотивацию я до сих пор не знаю.

Не могу сказать, что после предупреждения я стала готовиться. Вообще-то пятого марта я должна была улететь через Таллин в Лондон в давно запланированный отпуск. Причем я купила билеты в два конца, потому что была абсолютно уверена, что вернусь в Петербург.

Неделя до моего задержания была нервной. Я защищала активиста Андрея Карелина, которого задержали за антивоенную акцию. В отделе полиции на меня орали, что я тоже предатель Родины и скоро нас всех посадят.

Мария Малышева с Андреем Карелиным. 27 февраля Карелин растянул на перилах Аничкова моста баннер с надписью: «Путин — это война и кризис Б. Немцов». За пикет он получил 8 суток ареста / Фото из личного архива Марии Малышевой

В день обыска, пятого марта, я проснулась в семь утра. Лежала в кровати, почему-то было беспокойно. Накануне у меня в гостях были подруги, и одна из них, Аня, осталась ночевать. Когда в дверь начали сильно долбить, я сразу все поняла. Пошла будить подругу. Она спала как убитая. За год до этого в ее квартире тоже был обыск (Аня, как и я,

активистка) — и ей очень долго стучали в дверь, потому что она ничего не слышала.

В глазок я увидела СОБРовцев в балаклавах. Сказала им, чтобы подождали, я сейчас открою. Они не стали ждать и уже через минуту начали спиливать дверь. Понимая, что если меня куда-то выведут, квартира останется незапертой, я им открыла.

Вошли трое СОБРовцев, следовательно, двое оперативников и двое понятых. Понятые были настоящие — кто-то из соседей. Мне показалось, что они были немного в шоке от происходящего.

По моей просьбе все надели бахилы, уточнив: «Ну что, ждала нас?» Кстати, рекомендую обзавестись большим количеством бахил, если ожидаете обыск. Если у [опергруппы] нет установки все перевернуть и нанести вам ущерб, они, возможно, согласятся надеть.

Оперативники были обычные, не «политические». Они мне сами признались, что занимаются ерундой и ничего не могут с этим поделать. «Вот нам сказали изъять что-то политическое, а мы не знаем, что». В итоге в качестве «чего-то политического» они изъяли изданный за границей в 1980-е сборник советских политических анекдотов. При этом между двумя оперативниками произошел такой диалог:

— Дим, может, не будем изымать, это анекдоты про Брежнева, нас в интернете засмеют.

— Да нас и так засмеют.

Помимо анекдотов они изъяли всю технику и распечатку с новостью о задержании девушки, которую я защищала в суде: на фото она стояла с плакатом, на котором было что-то написано про войну и Украину.

Мы с Аней подбадривали друг друга. Нельзя было исключать, что ее тоже задержат, поэтому когда обыск стал подходить к концу, Аня ушла.

«А НИЧЕГО ПОУМНЕЕ ВЫ НЕ МОГЛИ ПРИДУМАТЬ?»

Районное управление МВД находится за углом моего дома. Мы шли туда пешком, мило болтали — я уверена, что случайные прохожие думали, будто это просто компания друзей. В управлении состоялся формальный допрос: «Известно ли вам про звонки с заведомо ложными сообщениями о терактах?» «Естественно, нет». После допроса мне сказали, что я могу идти. И я пошла.

Шла и думала, что же делать. У меня билеты на самолет, а я без мобильного телефона, без техники.

Восстанавливать сим-карту и все-таки лететь в отпуск? У входа в дом меня ждал друг, адвокат Георгий Мелков. Когда я подходила, нагнали эти оперативники, Дима с Артемом. Сказали: «Нам жаль, но надо вернуться». Я так разозлилась! Сказала, что никуда не пойду, я голодная, отстаньте. «Нет проблем, пойдемте в кафе!» И мы вчетвером пошли. Это было похоже на что угодно, только не на задержание.

Когда мы приехали из кафе в Управление, вышел тот же следователь и сказал, что я подозреваемая по уголовному делу. Из-за всей этой атмосферы с походом в кафе и сборником анекдотов меня разобрал смех.

Я совершенно искренне спросила: «А ничего поумнее вы не могли придумать?»

В коридоре сидел какой-то эшник. Я не видела его лица, но он меня, очевидно, узнал по митингам. У меня веселый характер, на акциях я смеялась, шутила. И в Управлении начала говорить что-то в духе «могли бы и лучше

подготовиться». Эшник мне из коридора крикнул:
«Ну ты в своем репертуаре». Я ответила: «Не плакать же!»

С полудня примерно до пяти вечера мы просто сидели в кабинете с адвокатом, следователем и операми. Часа два я провела в наручниках, но они были застегнуты чисто символически. На мой вопрос, что за цирк происходит, следователь сначала куда-то вышел поговорить, а вернувшись, предложил рассказать любимый анекдот из изъятых сборника.

У меня также был личный обыск, и ради него они пригласили с улицы двух девушек в качестве понятых. Я находилась в каком-то экстазе и прямо при оперативнице звала их на митинг 6 марта. Они пообещали прийти, но не знаю, сдержали ли обещание.

Вечером мы с оперативником Димой спустились по лестнице в изолятор Петроградского управления. Там, помимо денег и ценных вещей, у меня отобрали золотой крестик. Меня это очень возмутило, хотя формально они действовали по инструкции. Да, изделия из драгметаллов в изолятор нельзя — но это же не украшение, а религиозный символ. В общем, я поругалась с каким-то сотрудником, и он тут же начал мне рассказывать про «где вы были восемь лет». Я ему ответила, что все восемь лет протестовала против преступного режима, который развязал кровавую войну.

Мария Малышева во время «Марша материнского гнева» в Санкт-Петербурге, 10 февраля 2019 года / Фото: Елена Лукьянова, «Новая в Петербурге»

Спустя примерно час меня перевезли в изолятор на Захарьевскую. Мы почему-то очень долго ехали, еще дольше стояли и просто ждали. В камеру меня завели в ночь на 6 марта, и я сразу легла спать. Выпустили седьмого марта.

«БУДУ ДУМАТЬ, ЧТО ОН ЧЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Через пять месяцев, второго июля, было вынесено постановление о прекращении моего уголовного дела. Я про это узнала только в августе.

Уже в апреле 2022 года мы с моим адвокатом Даниилом Семеновым обжаловали и обыск, и задержание. Успешно получилось только с задержанием: два дня в ИВС были признаны незаконными. Думаю, в значительной степени мне повезло: насколько я знаю, другим подозреваемым по этому и аналогичным делам при очень похожих на мою

жалобах отказали в признании их задержаний незаконными.

Наверное, сыграло роль и поведение следователя. Он долго уклонялся от явки в Ленинский районный суд (77 отдел полиции, о заминировании которого якобы сообщала Мария, находится в Адмиралтейском районе, как и Ленинский суд — *ОВД-Инфо*), ссылаясь на занятость. Пришел только 5 июля (тогда же суд вынес решение).

Сказал, что он меня задержал, потому что руководитель следственной группы отдал такое распоряжение. Никакими доказательствами моей причастности к уголовному делу он не располагал. Связаны ли показания следователя с его повышенной честностью или с пониженными интеллектуальными способностями? Я не в курсе. Предполагая в людях лучшее, буду думать, что он честный человек.

18 июля уже Петроградский районный суд (по месту нахождения соответчика — Управления федерального казначейства, то есть Минфина — *ОВД-Инфо*) принял решение о взыскании в мою пользу компенсации морального вреда. У него два основания: прекращение уголовного дела по реабилитирующим обстоятельствам и признание Ленинским судом моего задержания незаконным.

В исковых требованиях [по моральному вреду] мы заявляли миллион рублей — поровну за незаконное задержание и незаконное уголовное преследование. Присудили 100 тысяч (по 50 тысяч с МВД и Минфина). Ну, ладно. Важна не столько сумма, сколько сама идея компенсации. Размер мы не обжаловали. МВД подало апелляцию, и 14 декабря 2023 года Санкт-Петербургский городской суд оставил в силе решение Петроградского суда.

Параллельно в Октябрьском районном суде рассматривается мой иск о взыскании материального вреда. Общий размер заявленных требований по материальному вреду — 51 802 рублей. Решения еще нет.

Помимо компенсации морального и материального вреда, реабилитированный имеет право на уничтожение его отпечатков пальцев из базы спустя год после прекращения дела. В ответ на мое заявление из ГУ МВД мне написали, что отпечатки уничтожили, но это, конечно, никак не проверить.

Год назад передо мной **извинилась** прокуратура — естественно, не по своей инициативе: чтобы получить формальные извинения, я написала две жалобы.

Через месяц после обыска, в начале апреля 2022 года я уехала из России. У меня был очень сложный выбор: оставаться, продолжая делать и говорить все, что я считаю нужным, и, наверное, сесть — или уехать. Я выбрала второе. Не знаю, правильно ли поступила.

Мария Малышева выступает на митинге у Посольства России в Лондоне, 10 декабря 2022 года / Фото предоставлено Марией Малышевой

Про судьбу оперативников, которые участвовали в обыске и задержании, я ничего не знаю. Дима и Артем, если вы это читаете, передаю привет. Вы нормальные мужчины — жаль, что таких людей привлекают к неблагоприятным делам.

Человека, который предупредил меня о задержании, насколько я знаю, серьезно повысили.

Всю изъятую при обыске технику мне вернули. Знакомый, который ее проверил, сказал, что там прослушка. В любом случае я уже не находилась в стране и возвращенной техникой не пользовалась.

Советские политические анекдоты мне тоже вернули.

Все юристы, наверное, знают про книгу известного немецкого правоведа Рудольфа фон Иеринга «Борьба за право». Понятно, что в нашей стране очень сложно бороться за право. Но если каждый не будет делать хотя бы маленький шажочек, все еще быстрее деградирует. Поэтому никогда не надо прекращать делать все, что мы можем.

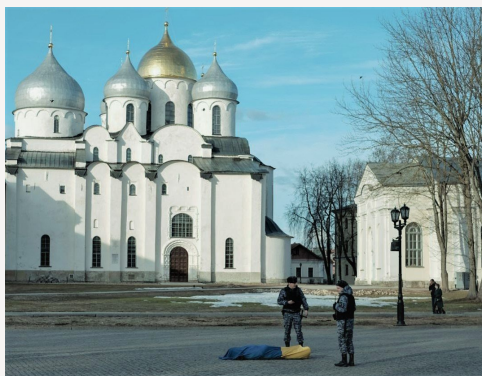
Записала Галя Сова

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

«Антивоенное дело»

С первого дня вторжения в Украину жители российских городов проводят антивоенные акции и высказываются о «спецоперации» в соцсетях. Эти действия становятся поводом для уголовного преследования.

47 3906